

Василий Осипович Ключевский

Нил Сорский и Иосиф Волоцкий



*Часть сборника
Исторические портреты*



Василий Осипович Ключевский
Нил Сорский и
Иосиф Волоцкий
Серия «Исторические портреты»

Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=176705
Исторические портреты: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-28593-8

Аннотация

«Монастырское землевладение было вдвойне неосторожной жертвой, принесенной набожным обществом недостаточно ясно понятой идее иночества: оно мешало нравственному благоустроению самих монастырей и в то же время нарушало равновесие экономических сил государства. Раньше почувствовалась внутренняя нравственная его опасность. Уже в XIV в. стригольники восставали против вкладов по душе и всяких приносов в церкви и монастыри за умерших...»

**Василий Осипович
Ключевский
Нил Сорский и
Иосиф Волоцкий**



Преподобный Нил Сорский

Вопрос о монастырских вотчинах. Монастырское

землевладение было вдвойне неосторожной жертвой, принесенной набожным обществом недостаточно ясно понятой идее иночества: оно мешало нравственному благоустройению самих монастырей и в то же время нарушало равновесие экономических сил государства. Раньше почувствовалась внутренняя нравственная его опасность. Уже в XIV в. стригольники восставали против вкладов по душе и всяких приносов в церкви и монастыри за умерших. Но то были еретики. Скоро сам глава русской иерархии выразил сомнение, подобает ли монастырям владеть селами. Один игумен спрашивал митрополита Киприана, что ему делать с селом, которое князь дал в его монастырь. «Святые отцы, – отвечал митрополит, – не предали инокам владеть людьми и селами; когда чернецы будут владеть селами и обяжутся мирскими попечениями, чем они будут отличаться от мирян?» Но Киприан останавливается перед прямым выводом из своих положений и идет на сделку. Он предлагает село принять, но заведовать им не монаху, а мирянину, который привозил бы оттуда в монастырь все готовое, жито и другие припасы. И преподобный Кирилл Белозерский был против владения селами и отклонял предлагаемые земельные вклады, но вынужден был уступить настояниям вкладчиков и ропоту братии, и монастырь уже при нем начал приобретать вотчины.

Но сомнение, раз возникнув, повело к тому, что колеблющиеся мнения обособились в два резко различных взгляда, которые, встретившись, возбудили шумный вопрос, вол-

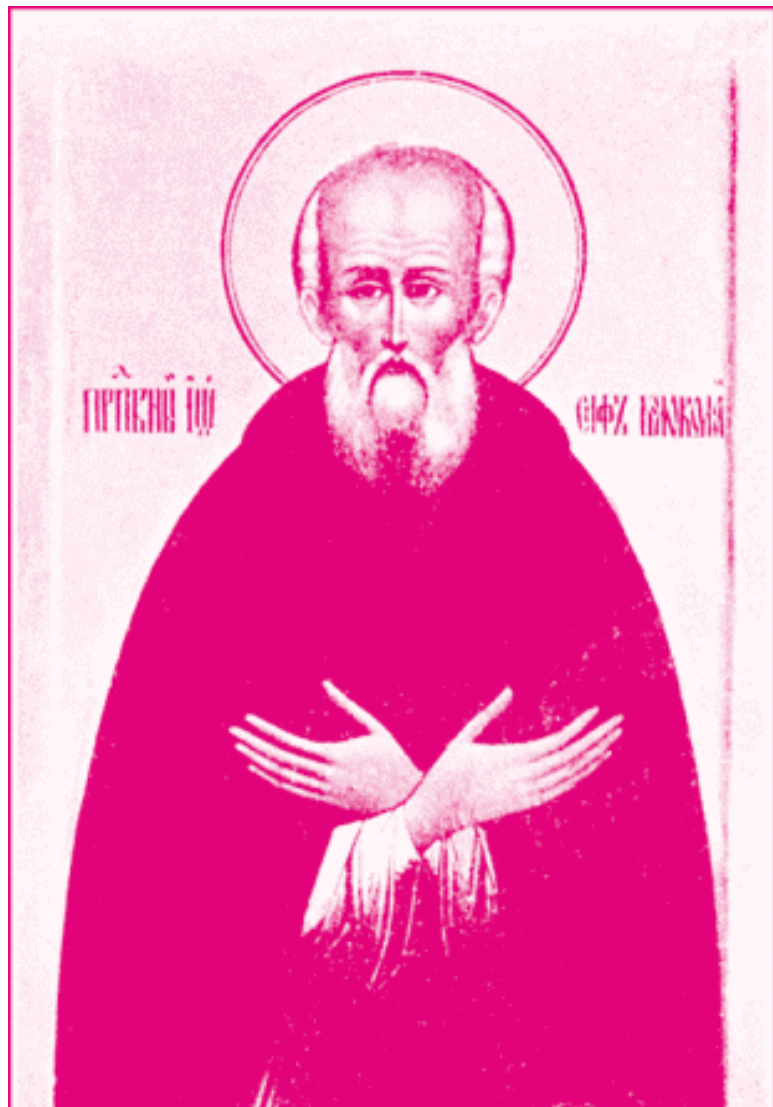
новавший русское общество почти до конца XVI в. и оставивший яркие следы в литературе и законодательстве того времени. В поднявшемся споре обозначились два направления монашества, исходившие из одного источника – из мысли о необходимости преобразовать существующие монастыри. Общежитие прививалось в них очень туго; даже в тех из них, которые считались общежительными, общее житие разрушалось примесью *особного*. Одни хотели в корне преобразовать все монастыри на основе *нестязательности*, освободив их от вотчин. Другие надеялись исправить монастырскую жизнь восстановлением строгого общежития, которое примирило бы монастырское землевладение с монашеским отречением от всякой собственности. Первое направление проводил преподобный Нил Сорский, второе – преподобный Иосиф Волоцкий.

Нил Сорский. Пострижник Кириллова монастыря, Нил долго жил на Афоне, наблюдал тамошние и цареградские скиты и, вернувшись в отечество, на реке Соре в Белозерском краю основал первый скит в России.

Скитское жительство – средняя форма подвижничества между общежитием и уединенным отшельничеством. Скит похож и на особняк своим тесным составом из двух-трех келий, редко больше, и на общежитие тем, что у братии пища, одежда, работы – все общее. Но существенная особенность скитского жития – в его духе и направлении. Нил был строгий пустынножитель; но он понимал пустынное житие глуб-

же, чем понимали его в древнерусских монастырях. Правила скитского жития, извлеченные из хорошо изученных им творений древних восточных подвижников и из наблюдений над современными греческими скитами, он изложил в своем скитском уставе. По этому уставу подвижничество – не дисциплинарная выдержка инока предписаниями о внешнем поведении, не физическая борьба с плотью, не изнурение ее всякими лишениями, постом до голода, сверхсильным телесным трудом и бесчисленными молитвенными поклонами. «Кто молится только устами, а об уме небрежет, тот молится воздуху: Бог уму внимает». Скитский подвиг – это умное, или мысленное, делание, сосредоточенная внутренняя работа духа над самим собой, состоящая в том, чтобы «умом блюсти сердце» от помыслов и страстей, извне навеваемых или возникающих из неупорядоченной природы человеческой. Лучшее оружие в борьбе с ними – мысленная, духовная молитва и безмолвие, постоянное наблюдение за своим умом. Этой борьбой достигается такое воспитание ума и сердца, силой которого случайные, мимолетные порывы верующей души складываются в устойчивое настроение, делающее ее непреступной для житейских тревог и соблазнов. Истинное соблюдение заповедей, по уставу Нила, не в том только, чтобы делом не нарушать их, но в том, чтобы и в уме не помышлять о возможности их нарушения. Так достигается высшее духовное состояние, та, по выражению устава, «неизреченная радость», когда умолкает язык, даже молитва отлетает

от уст и ум, кормчий чувств, теряет власть над собой, направляемый «силою иною», как пленник; тогда «не молитвой молится ум, но превыше молитвы бывает»; это состояние – предчувствие вечного блаженства, и, когда ум сподобится почувствовать это, он забывает и себя, и всех, здесь, на земле, сущих. Таково скитское «умное делание» по уставу Нила.



Святой Иосиф Волоцкий.

С древней иконы, хранящейся в храме Волоколамского монастыря, основанного преподобным

Перед смертью (1508) Нил завещал ученикам бросить труп его в ров и похоронить «со всяким бесчестием», прибавив, что он изо всех сил старался не удостоиться никакой чести и славы ни при жизни, ни по смерти. Древнерусская агиография исполнила его завет, не составила ни жития его, ни церковной ему службы, хотя Церковь причислила его к лику преподобных. Вы поймете, что в тогдашнем русском обществе, особенно в монашестве, направление преподобного Нила не могло стать сильным и широким движением. Оно могло собрать вокруг пустытника тесный кружок единомысленных учеников-друзей, влить живительную струю в литературные течения века, не изменив их русла, бросить несколько светлых идей, способных осветить всю бедноту русской духовной жизни, но слишком для нее непривычных. Нил Сорский и в Белозерской пустыни остался афонским созерцательным скитником, подвизавшимся на «умной, мысленной», но чуждой почве.

Страница из собственноручной рукописи святого Иосифа Волоцкого, хранящейся в ризнице Волоколамского монастыря

Иосиф Волоцкий. Зато вполне туземная, родная почва была под ногами его противника преподобного Иосифа. Современники оставили нам достаточно черт для определения этой совершенно реальной, вполне положительной личности. Ученик и племянник его Досифей, в своем надгробном слове Иосифу, изображает его с портретной точностью и детальностью, хотя несколько приподнятым тоном и изысканным языком. Проходя суровую школу иночества в монастыре Пафнутия Боровского, Иосиф возвышался над всеми его учениками, совмещая в себе, как никто в обители, разнообразные качества духовные и телесные, остроту и гибкость ума соединяя с основательностью, имел плавный и чистый выговор, приятный голос, пел и читал в церкви, как голосистый соловей, так что приводил слушателей в умиление: никто нигде не читал и не пел, как он. Святое Писание знал он наизусть, в беседах оно было у него все на языке, и в монастырских работах он был искуснее всех в обители. Он был среднего роста и красив лицом, округлой и не слишком большой бородой, темно-русыми, потом поседевшими волосами, был весел и приветлив в обращении, сострадателен к слабым. Церковное и келейное правило, молитвы и земные поклоны совершал он в положенное время, отдавая осталь-

ные часы монастырским службам и ручным работам. В пище и питии соблюдал меру, ел раз в день, иногда через день, и повсюду разносилась слава его добродетельного жития и добрых качеств, коими он был исполнен.

Видно, что это был человек порядка и дисциплины, с сильным чутьем действительности и людских отношений, невысоким мнением о людях и великой верой в силу устава и навыка, лучше понимавший нужды и слабости людей, чем возвышенные качества и стремления души человеческой. Он мог покорять себе людей, выправлять и вразумлять их, обращаясь к их здравому смыслу.

В одном из житий его, написанных современниками, читаем, что силой его слова смягчались одичалые нравы у многих сановников, часто с ним беседовавших, и они начинали жить лучше: «Вся же тогда Волоцкая страна к доброй жизни прелагашеся». Там же рассказано, как Иосиф убеждал господ в выгоде снисходительного отношения их к своим крестьянам. Обременительная барщина разорит хлебопашца, а обнищавший хлебопашец – плохой работник и плательщик. Для уплаты оброка он продаст свой скот: на чем же он будет пахать? Его участок запустеет, станет бездоходным, и разорение крестьянина падет на самого господина. Все умные сельскохозяйственные соображения – и ни слова о нравственных побуждениях, человеколюбии. При таком обращении с людьми и делами Иосиф, по его признанию, не имевший ничего своего при поселении в волоколамском лесу, мог

оставить после себя один из самых богатых монастырей в тогдашней России.

Если ко всему этому прибавим непреклонную волю и физическую неутомимость, получим довольно полный образ игумена – хозяина и администратора, – тип, под который подходило с большей или меньшей удачей большинство основателей древнерусских общежительных монастырей. При устройении монастыря, когда у него еще не было мельницы, хлеб мололи ручными жерновами. Этим делом после заутрени усердно занимался сам Иосиф. Один пришлый монах, раз застав игумена за такой неприличной его сану работой, воскликнул: «Что ты делаешь, отче! пусти меня», – и стал на его место. На другой день он опять нашел Иосифа за жерновами и опять заместил его. Так повторялось много дней. Наконец, монах покинул обитель со словами: «Не перемолоть мне этого игумена».

Собор 1503 г. На церковном соборе 1503 г. оба борца встретились и столкнулись. Скитское мирозерцание Нила все сполна было против монастырского землевладения. Его возмущали, как он писал, эти монахи, кружащиеся ради стяжаний; по их вине жизнь монашеская, некогда превозделенная, стала «мерзостной». Проходу нет от этих лжемонахов в городах и весях; домовладельцы смущаются и негодуют, видя, как бесстыдно эти «прошаки» толкуются у их дверей. Нил и стал умолять великого князя, чтобы у монастырей сел не было, а жили бы чернецы по пустыням и кормились бы сво-

им рукоделием. Великий князь поставил этот вопрос на Соборе.

Нил и стоявшие за него белозерские пустынноики говорили об истинном смысле и назначении иночества. Иосиф ссылался на примеры из истории Восточной и Русской церквей и при этом высказал такой ряд практических соображений: «Если у монастырей сел не будет, то как честному и благородному человеку постричься, а если не будет добродородных старцев, откуда взять людей на митрополию, в архиепископы, епископы и на другие церковные властные места? Итак, если не будет честных и благородных старцев, то и вера поколеблется». Этот силлогизм впервые высказывался при обсуждении церковно-практического вопроса. Церковные авторитеты не ставили монастырям задачи быть питомниками и рассадниками высших церковных иерархов и не признавали неперменным оплотом веры иерархию родовитого происхождения, как это было в Польше. Первое положение Иосиф заимствовал из практики Русской церкви, в которой высшие иерархи обыкновенно выходили из монастырей; второе положение было личной мечтой или личным предрассудком Иосифа, предок которого, выходец из Литвы, сделался волоколамским дворянином-вотчинником.

Собор согласился с Иосифом и свое заключение представил Ивану III в нескольких докладах, очень учено составленных, с каноническими и историческими справками. Но вот что в этих докладах возбуждает недоумение: на Соборе

оспаривали только монастырское землевладение, а великому князю отцы Собора заявили, что они не благоволят отдавать и архиерейские земли, против которых на Соборе никто не говорил. Дело объясняется молчаливой тактикой стороны, восторжествовавшей на Соборе. Иосиф знал, что за Нилом и его нестяжателями стоит сам Иван III, которому были нужны монастырские земли. Эти земли трудно было отстоять: Собор и связал с ними вотчины архиерейские, которых не оспаривали, обобщил вопрос, распространив его на все церковные земли, чтобы затруднить его решение и относительно монастырских вотчин. Иван III молча отступил перед Собором.

Итак, дело о секуляризации монастырских вотчин, поднятое кружком заволжских пустынников по религиозно-нравственным побуждениям, встретило молчаливое оправдание в экономических нуждах государства и разбилось о противодействие высшей церковной иерархии, превратившей его в одиозный вопрос об отнятии у Церкви всех ее недвижимых имуществ.

Литературная полемика. После Собора вопрос о монастырских вотчинах перенесен был с практической почвы на более безопасную, литературную. Загорелась оживленная полемика, длившаяся почти до конца XVI в. Она очень любопытна. В ней столкнулись разнообразные и важные интересы, занимавшие тогдашнее русское общество; высказались наиболее мыслящие умы века; с ней прямо или косвенно свя-

зались самые яркие явления русской духовной жизни того времени. Ограничусь ее немногими чертами.

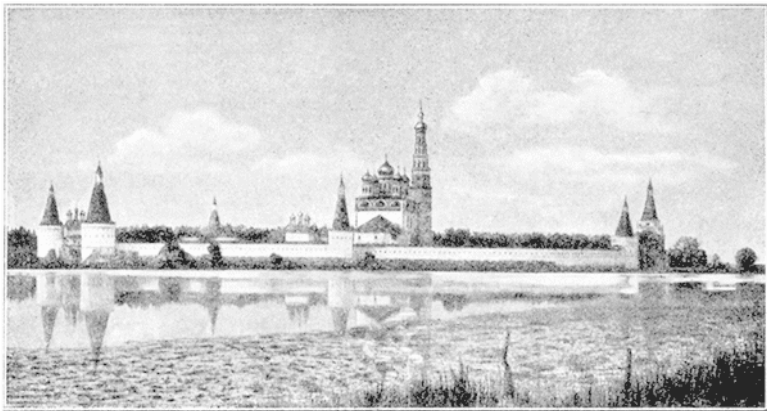
Самыми видными противниками «осифлян», как звали последователей Иосифа, выступили в полемике князь-инок Вассиан Косой и пришелец с Афона Максим Грек. Сочинения Вассиана – обличительные памфлеты. Поборая по своему учителе Ниле Сорском, яркими, нередко правдиво резкими чертами изображает он немонашескую жизнь вотчинных монастырей, хозяйственную суетливость монахов, их угодливость перед сильными и богатыми, корыстолюбие, лихоимство и жестокое обращение со своими крестьянами. В нем говорит не одно негодование пустынника-нестяжателя, но часто и раздражение бывшего боярина из рода князей Патрикеевых против людей и учреждений, опустошавших боярское землевладение. Вассиан клонит свою речь к тем же обвинениям, какие потом прямо высказал единомышленник его, князь Курбский: «Любостяжательные монахи своим сельским хозяйничаньем разорили крестьянские земли, а внушениями о спасительности вкладов по душе сделали воинский чин, служилых землевладельцев хуже калик убогих».

Сочинения Максима Грека против монастырского землевладения свободны от полемических излишеств. Он спокойно разбирает предмет по существу, хотя по местам и не обходится без колких замечаний. Вводя строгое общежитие в своем монастыре, Иосиф надеялся исправить монастырский быт и устранить противоречие между иноческим отрече-

чением от собственности и земельными богатствами монастырей более диалектической, чем практической, комбинацией: в общежитии-де все принадлежит монастырю и ничего отдельным монахам. Это все равно, возражает Максим, как если бы кто, вступив в шайку разбойников и награвив с ними богатство, потом, пойманный, стал оправдываться на пытке: я не виноват, потому что се осталось у товарищей, а я у них ничего не взял. Качества истинного монаха никогда не совместятся с отношениями и привычками любостыжательного монашества: такова основная мысль полемики Максима Грека. Литература тогда значила еще меньше для правительственной деятельности, чем стала значить позднее.

При всех полемических усилиях и успехах нестяжателей, московское правительство, после Собора 1503 г., покинуло наступательные планы против монастырских вотчин и ограничилось обороной. Особенно после того, как попытка царя Ивана около 1550 г. воспользоваться ближайшими к Москве землями митрополичьей кафедры для хозяйственного устройства служилых людей встретила решительный отпор со стороны митрополита. Длинный ряд указов и пространные рассуждения на Стоглавом соборе о монастырских непорядках, не решая вопроса по существу, пробовали различные меры с целью остановить дальнейшее земельное обогащение монастырей на счет служилого класса, «чтоб в службе убытка не было и земля бы из службы не выходила»; усиливался и правительственный надзор за монастыр-

скими доходами и расходами. Все отдельные меры завершились приговором церковного собора с участием бояр 15 января 1580 г. Было постановлено: архиереям и монастырям вотчин у служилых людей не покупать, в заклад и по душе не брать и никакими способами своих владений не увеличивать; вотчины, купленные или взятые в заклад у служилых людей архиереями и монастырями до этого приговора, отобрать на государя, который за них заплатит или нет – его воля. Вот все, чего могло или умело добиться от духовенства московское правительство XVI в. в деле о церковных вотчинах.



Вид Иосифо-Волоколамского монастыря в XIX веке